

ЧИТАТЕЛЬ, САЛЯМ¹!

«Сокол в небе бессилён без крыльев. Человек на земле немощен без коня.

Все, что ни случается, имеет свою причину, начало веревки влечет за собой конец ее. Взятый правильно путь через равнины вселенной приводит скитальца к намеченной цели, а ошибка и беспечность завлекут его на солончак гибели.

Если человеку выпадает случай наблюдать чрезвычайное, как то: извержение огнедышащей горы, погубившей цветущие селения, восстание угнетенного народа против всемогущего владыки или вторжение в земли родины невиданного и необузданного народа, — все это видевший должен поведать бумаге. А если он не обучен искусству нанизывать концом тростинки слова повести, то ему следует рассказать свои воспоминания опытному писцу, чтобы тот начертал сказанное на прочных листах в назидание внукам и правнукам.

Человек же, испытавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте, когда холодная рука смерти уже касается его головы.

Однако, отточив тростниковое перо и обмакнув его в чернила, я задумался в нерешительности... Хватит ли

¹ *Салям* — привет! Подобные «Обращения к читателю» являются типичными для рукописей восточных авторов домонгольского периода. — *Здесь и далее примечания автора.*

у меня слов и сил, чтобы правдиво рассказать о беспощадном истребителе народов Чингисхане и о его свирепом войске?.. Ужасно было вторжение этих дикарей из северных пустынь, когда во главе войска мчался их рыжебородый владыка, когда разъяренные воины на неутомимых конях проносились по мирным долинам Мавераннагра и Хорезма¹, оставляя на дорогах тысячи изрубленных тел, когда каждое мгновение рождало новые ужасы и люди спрашивали друг у друга: «Засияет ли опять небосвод, затянутый дымом горящих селений, или уже наступил конец мира?..»

Многие меня уговаривали поведать письменно все, что я знал и слышал о Чингисхане и о вторжении монголов... Я долго колебался... Теперь же я пришел к мысли, что в моем молчании нет никакой пользы, и я решаюсь описать величайшее бедствие, подобного которому не видывали на земле ни день, ни ночь и которое разразилось над всем человечеством, а в особенности над мирными тружениками твоих полей, измученный несчастьями Хорезм...

Здесь моя речь прерывается, чтобы не забегать слишком далеко. Старые люди подтвердят, что все описанное мною действительно совершилось.

Упорный и терпеливый увидит благоприятный конец начатого дела, ищущий знания найдет его...»

¹ *Мавераннагр* — название местности между Амударьей и Сырдарьей. Слова «Туркестан» тогда еще не знали. *Хорезм* — государство, существовавшее в низовьях Амударьи. В XIII веке Хорезму подчинялась огромная территория от Аральского моря до Персидского залива. О значении и культуре древнего Хорезма см. исследования профессора С. П. Толстова.

Книга первая

**В ВЕЛИКОМ ХОРЕЗМЕ
ВСЕ СПОКОЙНО**

Часть первая

В ПЛАЩЕ ДЕРВИША

Глава первая

ЗОЛОТОЙ СОКОЛ

Наша обитаемая земля похожа на развернутый старый, выцветший плащ. Она представляет собою остров, со всех сторон омываемый безграничным океаном.

Из старинного арабского учебника

Ранней весной запоздалая снежная буря пронеслась над мертвыми барханами¹ великой равнины Каракумов. Ветер яростно трепал пробившиеся сквозь пески редкие искривленные кусты. Белые хлопья крутились над землей. Десяток верблюдов беспорядочно сбился в кучу возле глиняной хижины с куполообразной крышей. Куда девались провожатые каравана? Почему погонщики не сняли тяжелых вьюков и не уложили их рядами на землю?

Верблюды поднимали облепленные снегом мохнатые головы, их тоскливые всхлипывания сливались с завыванием ветра. Вдали прозвенел колокольчик... Верблюды повернули головы в ту сторону. Показался черный осел. За ним, уцепившись за хвост, плелся бородатый человек в длинном плаще и высоком колпаке

¹ *Бархан* — подвижный песчаный холм, образуемый в пустыне действием ветра.

дервиша¹ с белой повязкой странника, побывавшего в Мекке.

— Вперед, вперед! Еще десяток шагов, и ты получишь свою долю соломы. Смотри, мой верный друг Бекир, кого мы встретили! Где стоят верблюды, там отдыхают их хозяева, а слуги уже развели костер. А разве там, где у костра собрались десять человек, не найдется горсти рисовой каши и для одиннадцатого? Эй, кто здесь? Правoverные, отзовитесь!

Никто не отозвался. Глухо звякнул треснувший колокольчик на шее верблюда-вожака.

Погоня осла, запорошенный снегом путник медленно обошел постройку с низкой глиняной оградой. Дверь с искусно вырезанным узором была подперта колом. Позади хижины на площадке, окруженной песчаными барханами, выстроились ряды безмолвных могил, старательно убранных белыми и черными камешками.

— Дервиш Хаджи Рахим Багдади приветствует вас, уснувшие навеки почтенные обитатели этой тихой долины! — бормотал путник, привязывая осла под камышовым навесом. — Где же сторож этого молчаливого собрания? Может быть, он в хижине?

Накрошив хлеба в пеструю торбу, дервиш подвязал ее к голове осла.

— Отдаю тебе, мой верный друг, последние остатки еды. Тебе она нужнее. Если мы за ночь не замерзнем,

¹ *Дервиш* — персидское слово, означает «нищий». Дервиши составляли особую касту, объединялись в общины во главе со старшиной («пиром» или «шейхом»). Дервиши носили особые плащи, умышленно покрытые множеством грубых заплат и перевязанные веревкой вместо пояса — знак добровольной бедности. Первоначально среди дервишей были и выдающиеся поэты и ученые, занимавшиеся философскими вопросами. В позднейшее время дервиши выродились в тунеядцев, эксплуататоров народной темноты и невежества, лечивших больных заговорами, молитвами, занимавшихся гаданьем, торговлей талисманами и разного рода шарлатанством.

завтра ты потащишь меня дальше. Я уж буду согреться воспоминаниями о том, как было нам жарко под пальмами благодатной Аравии.

Дервиш отбросил кол и открыл дверь. Посредине хижины, где обычно тлеет костер, потухшие угли покрылись пеплом. Крыша куполом уходила вверх, кончаясь отверстием для дыма. У стенки на корточках сидели четыре человека.

— Мир, благоденствие и простор! — сказал дервиш.

Ему не ответили. Он сделал шаг вперед. Неподвижность, безмолвие и бледность сидевших заставили его быстро попятиться к двери и выскользнуть наружу.

— Хаджи Рахим, ты не должен роптать. Четыре мертвеца ждут, кто завернет их в саваны. А ты хоть нищ и голоден, но еще силен и можешь бродить по бесконечным дорогам вселенной... Рядом целый караван, потерявший своего хозяина. Если б только я захотел, я мог бы сделаться владельцем этих верблюдов, нагруженных богатыми вьюками. Но искателю правды, дервишу, ничего не нужно. Он останется бедняком и пойдет дальше, распевая песни. Однако нужно пожалеть и бедную скотину.

Дервиш обошел верблюдов, распутал на них веревки, разместил животных рядом друг с другом и опустил их на колени. Среди вьюков он нашел мешок с ячменем и насыпал из него по несколько горстей перед каждым верблюдом.

— Если бы кто-либо спросил, сделал ли Хаджи Рахим за свою жизнь доброе дело, то эти верблюды ему могли бы хором спеть: «В холодную бурю дервиш накормил нас, и мы оттого не замерзли».

Всю ночь дервиш пролежал на связке камыша, прижавшись спиной к ослу, который тихо дремал, подбрав ноги. Утром ветер разметал тучи, и на востоке показалось солнце.

Увидев розовые лучи, скользявшие по могилам, дервиш вскочил.

— В дорогу, Бекир, пойдем дальше!

Навьючив осла мешком с остатками ячменя, дервиш заглянул в хижину. Вместо четырех человек, сидевших у стены, теперь оставался только один. Раскрытые карие глаза смотрели тускло и не мигая.

— Куда же девались остальные мертвецы? Неужели они улеглись в могилы? Нет, Хаджи Рахим не хочет оставаться здесь; он пойдет дальше, в города Хорезма, туда, где много радостных людей, где льется беседа мудрецов, свежая, как молоко и мед.

— Помоги мне, правоверный! — прошептал хриплый голос. У сидевшего человека зашевелилась волнистая борода.

— Кто ты?

— Махмуд...

— Ты из Хорезма?

— У меня золотой сокол...

— Ой! — удивился дервиш. — Правоверный, умирая, думает о своем соколе! Выпей воды!

Больной с трудом отпил несколько глотков из тыквенной бутылки. Его блуждающие глаза остановились на дервише.

— Меня тяжело ранили... разбойники Кара-Кончара¹... Три моих спутника ожидали горького конца, кто-то запер дверь, и мы не могли уйти... Если ты, правоверный, бросишь правоверного в беде, то это хуже убийства... — так говорит «благородная книга»²...

Его зубы стучали лихорадочной дрожью, рука с мольбой протянулась к дервишу и бессильно упала. Больной повалился на бок.

Хаджи Рахим расстегнул шерстяную одежду больного. На груди темнела рана и сочилась кровь.

¹ *Кара-Кончар* — черный меч.

² *Благородная книга* (масхари шериф) — так мусульмане называют Коран, собрание мифических легенд и поучений, написанных основателем мусульманской религии арабом Магомедом (570—632).

— Нужно остановить кровь. Чем перевязать его?

Рядом лежала толстая, искусно свернутая белая чалма¹. Дервиш начал ее разматывать.

Из тонкой кисеи чалмы выпала овальная золотая пластинка. Дервиш поднял ее. На ней был тонко вычеканен сокол с распростертыми крыльями и вырезана надпись из странных букв, похожих на бегущих по тропинке муравьев.

Дервиш задумался и более внимательно посмотрел на больного.

— На этом человеке огненные отблески будущих великих потрясений. Вот где скрыта тайна ожившего мертвеца, — шептал дервиш. — Это пайцза² великого татарского кагана³. Этого золотого сокола надо сберечь; я отдам его больному, когда разум и сила к нему вернуться. — И дервиш спрятал золотую пластинку в складках своего широкого пояса.

Он долго возился с больным, пока не обмотал его раненую грудь тонкой кисеей чалмы. Затем он вышел из хижины, поднял одного из верблюдов и подвел его к двери. Он опустил верблюда на колени, перенес больного и усадил его между мохнатыми горбами, привязав волосяными веревками.

Когда солнце поднялось над барханами, дервиш шагал по тающему снегу едва заметной степной тропой. За ним семенил копытцами осел, а за ослом равномерно шагал высокий двугорбый верблюд. На нем беспомощно раскачивался привязанный больной.

¹ *Чалма* — тонкая длинная ткань, которой мусульмане искусно обертывают голову.

² *Пайцза* — пластинка из металла или дерева с вырезанным на ней повелением Чингисхана; пайцза являлась пропуском для свободного проезда по монгольским владениям. Пайцза давала большие права: власти на местах должны были оказывать содействие, давать лошадей, проводников и продовольствие лицам, имевшим пайцзу.

³ *Каган* — «хан ханов», повелитель монголов и татар.

— Вперед, Бекир! Скорее дойдем до Гурганджа¹, где тебя ждет охалка сухого клевера. Здесь опасно. Из-за холмов вылетит разбойник Кара-Кончар и сделает рабом твоего хозяина, а с тебя сдерет твою черную шкуру. Скорей, подальше отсюда!

Глава вторая

В ЮРТЕ КОЧЕВНИКА

Джелаль эд-Дин Менгбурны, наследный сын хорезмшаха², охотился в песках Каракумов. Двести лихих джигитов на отборных конях сопровождали молодого хана. Они выполняли тайный приказ шаха — следить, чтобы Джелаль эд-Дин не скрылся из пределов Хорезма. Джигиты двигались полукругом по степи, стараясь загнать джейранов³ и диких ослов к гряде холмов, где слуги заблаговременно поставили черную палатку с белым верхом и готовили пиршество для всех участников охоты.

Весна рассыпала по пескам первые редкие цветы, и под ослепительным солнцем быстро таяли остатки снежных заносов. На третий день охоты небо внезапно потемнело. С севера, из Кипчакских степей⁴, подул холодный ветер, и закрутилась снежная пурга.

¹ *Гургандж* (или *Ургенч*) — столица Хорезма, расположенная в низовьях реки Амударья, впоследствии разрушенная монголами.

² *Хорезм-шах* — правитель Хорезма, в начале XIII века сильнейший из мусульманских владык.

³ *Джейран* — газель, разновидность антилопы.

⁴ *Кипчакская степь* — огромная территория от Днепра и на восток до Семиречья, населенная многочисленным кочевым народом тюркского корня — кипчаками. В русских летописях кипчаки назывались «половцами», на Западе они назывались «куманами». В Венгрии имеются области Великая Кумания и Малая Кумания, населенные потомками половцев, бежавших в XIII веке от нашествия монголо-татар.

Джелаль эд-Дин на горячем вороном аргмаке, преследуя раненого джейрана-самца, отделился от своих спутников. Он видел, как козел прихрамывал и оглядывался, насторожив уши. Уже близка была добыча, но джейран, тряхнув изогнутыми рожками, снова унесся в степь. Упорный и гневный хан скакал на взмыленном жеребце, не спуская глаз с мелькавшего впереди поднятого черного хвоста.

Наконец джейран был пробит стрелой и привязан за седлом. Между тем буря усилилась, снег замел тропинки. Джелаль эд-Дин понял, что заблудился и может погибнуть, если буря продлится несколько дней. Ведя коня в поводу, он пошел против ветра. Надвигалась ночь. Выбившись из сил, хан развернул попону, укрыл коня и, полузасыпанный снегом, просидел так всю ночь.

Взошло солнце, ветер стих. Снег стал таять, между барханами потекли ручейки. Вглядываясь в даль, Джелаль эд-Дин заметил сигнальную вышку — холм, сложенный из хвороста и костей; он намечал путь среди однообразной, как море, равнины. Хан направился к нему. В глинистой долине между песчаными холмами приютились четыре бедные, закоптелые юрты.

Неистовый лай собак вызвал из юрты старого кочевника-туркмена. Придерживая накиннутый на плечи козлиный тулуп, он с достоинством подошел к всаднику и гостеприимно коснулся повода.

— Если мой дом не покажется тебе слишком бедным, то войди с миром, почтенный бек-джигит! — сказал старик, пораженный богатой одеждой, малиновыми шароварами из толстого шелка, а более всего величественным вороным жеребцом, на каком могут ездить только султаны.

— Салям! Есть ли у тебя ячмень? Я заплачу двойную цену.

— В пустыне хлеб дороже денег. Но для редкого гостя найдется все, что он захочет. Вместо ячменя твой конь будет накормлен отборной пшеницей...

Из ближней юрты слышался шум ручного жернова, на котором женщины мололи пшеницу.

— Ойе, вы там! Возьмите коня!

Две девушки в темно-красных рубашках до пят, звеня серебряными украшениями и монетами на груди, выбежали из юрты, прикрываясь краем полупрозрачной ткани, накинутой на голову. Они взяли с двух сторон за повод коня и увели его.

Хан вошел в юрту. Там было тепло. Посредине курился костер из смолистых корней. У стенки на войлоке лежал на спине человек. Серое бескровное лицо с черной бородой и сложенные на груди руки говорили о близкой смерти. Прерывистое дыхание показывало, что жизнь его отчаянно борется в этом обессиленном теле.

В ногах больного сидел бородатый дервиш в высоком колпаке с белой повязкой, знаком хаджи¹. На его полуголое тело был накинут широкий плащ с множеством ярких заплат.

— Салам-алейком! — сказал Джелаль эд-Дин и опустился на войлок около больного.

Подползла закутанная до глаз женщина-рабыня и стащила с хана промокшие зеленые сапоги. Джелаль эд-Дин отстегнул кожаный пояс с кривой саблей и положил около себя.

— Ты кто? — спросил он дервиша. — Судя по твоей одежде, ты видел далекие страны?

— Я хожу по свету и ищу среди моря лжи острова правды...

— Где твоя родина и куда ты идешь?

— Меня зовут Хаджи Рахим, а прозвали меня еще Багдади, потому что я учился в Багдаде. Моими учителями были самые совершенные, великодушные и знающие люди. Я изучил много наук, много перечел

¹ *Хаджи* — паломник, совершивший «хадж» (путешествие) в Мекку, город в Аравии, где мусульмане поклоняются памятникам культа, которые считают священными.

сказаний арабов, турок, персов и написанных древним языком пехлеви. Но, кроме сожаления и кроме тяжести грехов, я не вижу другого следа моих юных дней...

Джелаль эд-Дин поднял недоверчиво бровь:

— Куда же и зачем ты идешь?

— Я хожу по этому плоскому подносу земли, лежащей между пятью морями, посещаю города, оазисы и пустыни и ищу людей, опаленных огнем неудержимых стремлений. Я хочу увидеть необычайное и преклониться перед истинными героями и праведниками. Сейчас я направляюсь в Гургандж — по слухам, прекраснейший и богатейший город Хорезма и всего мира, где, говорят, я найду и блистающих знаниями мудрецов, и искуснейших мастеров, украшающих город образцами великого искусства...

— Ты ищешь героев, записывающих свои подвиги концом меча на полях битв? — сказал Джелаль эд-Дин и задумался. — А сумеешь ли ты такими пламенными строками описать подвиги героя, чтобы юноши и девушки запели твои песни, чтобы их повторяли отважные джигиты, бросаясь в бой, или старики, делая последний шаг к могиле?

Дервиш ответил стихами:

Хотя богат и славен песней Рудеги¹,
Но я не меньше слов прекрасных знаю.
Слепой, стихами он завоевал весь мир.
А я пою для собеседников костра степного...

Хозяин втащил в юрту убитого ханом джейрана. С него была уже содрана шкура и выпотрошены внутренности.

— Позволь передать женщинам часть мяса, чтобы они приготовили для тебя ужин?

— Угощайтесь все! Берите все! — ответил Джелаль эд-Дин. — Я не ловчий у бека. Я сам бек и сын бека,

¹ *Рудеги* — крупнейший поэт IX века, родом из Бухары.

не обязанный передавать добычу хозяину... — Он вытащил из ножен узкий кинжал, вырезал из спины джейрана несколько тонких кусочков мяса и, нанизав их на прутик, стал поджаривать над угольями костра.

Хозяин передал тушу джейрана женщинам, а сам сел рядом с гостем. Поглаживая бороду, он стал задавать вопросы вежливости:

— Здоров ли ты? Силен ли ты? Согрелся ли? Здоровы ли твои родители?

Хан, соблюдая обычай, также задал несколько вопросов участия и затем сказал:

— Да не покажутся обидой мои слова: чей это шатер и где я нахожусь?

— Моя юрта на один переход в стороне от большой караванной дороги к городу Нессе¹, а я — простой кочевник, затерянный в великой степи, которого все зовут Коркуд-Чобан².

Собака, ворчавшая за стеной юрты, залилась лаем. Донеслись крики, всхлипывания и плач. Конский топот приблизился и затих. Сильный голос окликнул:

— Кто в юрте? Отзовись, Коркуд-Чобан.

Глава третья

СТЕПНОЙ ДЖИГИТ

Старик поднялся и вышел. Едва доносились слова разговора.

— Зачем он приехал сюда? — шепотом хрипел всадник. — Или настал его смертный час?

— Все трое — мои гости.

¹ *Несса* — когда-то сильная древняя крепость близ нынешнего Ашхабада, потом разрушенная монголами и засыпанная песками. Ее развалины были открыты советскими учеными в 1931 году.

² *Коркуд-Чобан* — пастух Коркуд.

— Я покажу, какой приговор Аллаха написан на их бледном челе...

— Ты их не посмеешь тронуть. А эти новые твои пять невольников откуда?

— Это опытные мастера: медники и оружейники. Они шли вместе с караваном. Я хотел «подстричь бороды» этому каравану, но откуда-то шайтан принес две сотни джигитов, гнавших джейранов для какого-то знатного бека. Пришлось верблюдов бросить, погонщики разбежались, и я погнал только пять этих мастеров. Теперь я их отсылаю в Мерв, где продам за хорошую цену.

— Да поможет тебе в этом Аллах!

Хозяин с новым гостем вошли в юрту.

Незнакомец был молод, высок, с прямыми плечами и очень тонок в поясе. Сбоку в зеленых сафьяновых ножнах висел длинный меч — кончар. Желтые сапоги из верблюжьей замши на тонких высоких каблуках, высокая круглая шапка из овчины и особого покроя черный чапан¹ говорили, что он туркмен. Это подтверждало и смуглое решительное лицо с выдающимися скулами.

— Проходи к огню, садись! — пригласил хозяин.

Гость, однако, не опустился на ковер, а продолжал стоять около входа. Его глаза расширились и стали круглыми, как у совы.

— Ты кто? — спросил, не подымая глаз, Джелаль эд-Дин.

— Степняк...

— Кочуешь со скотом или промышляешь иным?

— Я стригу бороды караванным купцам...

Такой ответ, по степным обычаям, был грубостью. При встрече у костра с незнакомыми, даже бедно одетыми, все становятся равными, обмениваются вопросами вежливости: о здоровье, о состоянии стада, о дальности дороги. Туркмен, очевидно, искал ссоры.

¹ *Чапан* — верхняя одежда, кафтан.

Джелаль эд-Дин вскинул и опустил глаза, и только уголок рта чуть дрогнул. Разве станет знатный хан входить в пререкание с простым кочевником песков?

— Хозяин сказал, что ты ищешь дорогу к Гурганджу? Я могу тебя проводить, — помолчав, сказал туркмен.

Джелаль эд-Дин был храбр, но его конь устал. Здесь он в безопасности, его охраняет закон гостеприимства. А на дороге этот туркмен будет так же за ним охотиться, как недавно он сам охотился за джейраном. И хан ответил:

— Сейчас в Гургандж я не поеду.

— А кто этот стонущий, уходящий из нашего печального мира?

— Раненный разбойниками, — сказал дервиш. — Наверно, это дело рук отчаянного Кара-Кончара. Говорят, что этот барс пустыни не щадит никого.

— А ты думаешь, что другие не грабили Кара-Кончара?

Дервиш ответил:

— Что могу думать я, пустой орех, гонимый по степи ветром скитаний!

— Кара-Кончар живет на безводном, недоступном солончаке. Он неуловим, как ящерица, ныряющая в песок, или как змея, скользящая в камышах. Никто не может добраться до него, а он проникает всюду.

— Кто промышляет разбоем, готовит себе славный конец: его голова подыметя выше всех, надетая на кол на стене Гурганджа, — равнодушно сказал Джелаль эд-Дин, поворачивая прут с жарившимся мясом.

— Кара-Кончар — ночная тень, догоняющая злодея, — продолжал туркмен. — Кара-Кончар — кинжал мести, копьё гнева и меч расплаты. Сейчас Кара-Кончар один, нет у него ни сына, ни брата. Настанет день, когда он падет мертвым и то место, где стоит его юрта, опустеет. Хорошо ли это?

— Это невесело, — сказал Джелаль эд-Дин.

— А раньше у Кара-Кончара были и седобородый отец, и смелые братья, и нежные сестры. Но когда шаху Мухаммеду нужна сотня коней, он едет с кипчакскими воинами в наши кочевья и берет вместо одной сотни коней три сотни лучших жеребцов. А с женщин он снимает серебряные украшения, говоря, что делает это в наказание за то, что какие-то кочевники где-то ограбили надменного кипчакского хана. А когда у шаха имеется во дворце триста жен, он со своими кипчаками увозит нашу лучшую девушку, Гюль-Джамал, из-за которой спорили сто джигитов, и насильно держит ее в своем дворце, называя триста первой женой. Хорошо ли это?

— Это тоже невесело, — сказал спокойно Джелаль эд-Дин. — Но то, что сто джигитов допустили увести из кочевья лучшую девушку и не отбили ее, — вот это нехорошо.

— Тогда в кочевье наших джигитов не было. Кипчаки хитры и выбирают время, когда к нам приезжать.

— Слушай мои слова, джигит, — сказал Джелаль эд-Дин. — Ты говоришь, что у тебя были отец, братья и сестры? Почему их больше нет?

— Белобородого отца схватили шахские палачи и на площади Гурганджа медленно разрубили на куски, начиная от ступней ног. Братья бежали на восток и на запад. Сестер схватили кипчакские всадники и увезли. Разве это хорошо?

— Это тоже нехорошо, — сказал Джелаль эд-Дин.

— Где же мне теперь скитаться под солнцем? Что же мне остается делать?

Джелаль эд-Дин заговорил горячо:

— Если светлая сабля в твоих руках сверкает для защиты родного племени, если, кроме забав на караванных дорогах, ты хочешь совершить подвиг и стать опорой нашего зеленого знамени, то приезжай ко мне в Гургандж, и я научу тебя, как создать славное имя.

— Слушай, бек-джигит, — ответил туркмен, с яростью утирая рукавом губы. — Когда я приеду в Гур-

гандж, то по моим следам, как шакалы, побегут шпионы — джазусы шаха, но я им не сдамся и погибну в схватке. Нужно ли это?

— Этого не будет, — сказал Джелаль эд-Дин. — Когда ты подъедешь к Западным воротам Гурганджа, ты увидишь сад с высокими тополями. Спроси у привратников: «Это ли новый дворец и сад Тиллялы? Проведите меня к хозяину!» — и ты покажешь этот листок.

Джелаль эд-Дин достал из складок шафрановой чалмы листок бумаги, снял с большого пальца золотой перстень. Горящей веткой он закоптил печатку перстня и, помочив слюной уголок листка, приложил перстень. На бумаге копотью отпечаталось красивой вязью написанное имя. Свернув листок в трубочку, он сложил ее пополам, разгладил на колене и передал туркмену. Тот приложил листок к губам и ко лбу и спрятал в медной коробочке для трута, привешенной у пояса.

— Я верю твоему слову, бек-джигит, я приеду. Салям! — И туркмен исчез за дверной занавеской.

Хозяин молча последовал за ним. Перед юртой, где на костре кипел большой медный котел, на мокрой от тающего снега земле сидели пять истощенных рабов в истерзанных лохмотьях. Руки у всех были закручены за спину, шеи затянуты петлями, концы их привязаны к волосяному аркану. Рядом с рабами стоял рыжий высокий конь с серебряным ошейником на изогнутой шее, с туго притянутым к луке поводом. На луку был намотан конец аркана, державшего пленных.

Туркмен сел на коня.

— Вперед, скоты-иноверцы! Если не будете плестись, я вас изрублю и оставлю падалью на дороге.

Пятеро рабов поднялись и заковыляли один за другим. Туркмен взмахнул плетью, и вскоре все скрылись за холмом. Хозяин вернулся в юрту.

— Почтенный гость, около сотни джигитов показались вдали и направляются сюда.

— Знаю, это джигиты хорезм-шаха ищут меня. А кто был человек, с которым я сейчас говорил?

— Это, — и хозяин продолжал шепотом, точно боясь, что туркмен вернется, — это барс Каракумов, гроза караванных путей, славный разбойник Кара-Кончар, да рассудит его Аллах!

Глава четвертая

ХАКИМ, ПРАВДИВО РЕШАЮЩИЙ

После остановки у кочевника Хаджи Рахим два дня шел узкой тропой через пустыню, направляясь на север к оазису в низовьях Джейхуна¹, где находились города и селения многолюдного Хорезма. Медленно плелся осел, и равномерно шагал за ним верблюд с большим купцом, все еще не приходившим в сознание. Дервиш распевал арабские и персидские песни и всматривался в даль, ожидая, когда же наконец появятся цветные купола мечетей Хорезма.

На третий день узкая тропа среди песчаных барханов обратилась в широкую дорогу и поднялась на каменистую возвышенность. Оттуда открылась цветущая, радостная равнина, покрытая садами, рощами и квадратами зеленеющих полей. Всюду между деревьями виднелись домики с плоскими крышами, группы черных, задымленных юрт и похожие на крепости с башенками по углам усадьбы богатых кипчакских ханов. Кое-где, точно копыя, торчали острые минареты, и возле них переливались разноцветными изразцами купола мечетей. Как большие зеркала, сверкали квадраты пашен, залитые водой. По ним ходили полуголые, в отрепьях, люди с цепями на ногах.

Дервиш остановился на холме.

¹ *Джейхун* — название реки Амударьи в XIII веке.

— Вот земля, созданная стать раем, — шептал он, — но она стала долиной мучений и слез. Пятнадцать лет назад я бежал отсюда, задыхаясь от страха, озираясь как преступник. Кто сможет узнать теперь в обожженном солнцем черном дервише того юношу, которого проклял сам верховный имам¹? Вперед, Бекир, скоро мы будем ночевать у ворот столицы всех столиц, богатейшего из всех городов мира — Гурганджа, где царствует хорезм-шах Мухаммед, самый могучий, но и самый зловещий из мусульманских владык...

Дервиш снова зашагал. По дороге стали чаще встречаться двухколесные повозки, запряженные крупными длинноногими волами, пешие путники, нарядные всадники на разукрашенных конях и почерневшие на солнце поселяне на тощих ослах, отовсюду слышалось мычанье коров, блеянье овец, крики погонщиков.

В первом же селении дервиша окружили люди с длинными белыми палками.

— Ты что за человек? Если ты дервиш-бессребреник, то зачем тащишь за собой верблюда? Пойдем к хакиму², он прочтет тебе твой смертный приговор.

Дервиша привели во двор, окруженный высокой глиняной стеной. На террасе, устланной широким ковром, сидел, скрестив ноги, тощий прямой старик в полосатом халате. Огромная белоснежная чалма, тщательно расчесанная седая борода, строгий, пронизывающий взгляд и медлительность движений вызывали трепет у всех, кто приближался к нему, и они падали ниц. Рядом, согнувшись, сидел молодой писарь с тростниковым пером в руке, ожидая приказаний.

— Кто ты? — спросил хаким.

— Я грешный сын моей почтенной матери, по имени Хаджи Рахим аль Багдади, ученик святых багдадских

¹ *Имам* — настоятель мусульманской мечети.

² *Хаким* — правитель округа. Первоначальное значение — ученый законовед.

шейхов¹. Я хожу по длинным дорогам и тщетно ищу следов праведников, скрытых холодным мраком могилы.

Старик недоверчиво поднял бровь и уставился на дервиша.

— А кто этот больной на верблюде? Почему он без чалмы? Правоверный ли он мусульманин или иноверец? Мне говорят, что ты его изранил, ограбил и распродал все его достояние. Верно ли это?

Дервиш поднял руки к небу:

— Ты, всевидящее небо, одна моя защита! Дивлюсь я на сплетника, который ничем, кроме лживых слухов, не дышит! Что ему до моих трудов и печалей!

Хаким многозначительно поднял кверху указательный палец и прошептал:

— Расскажи мне правдиво, что ты знаешь об этом больном?

Тогда дервиш рассказал о встрече с разграбленным караваном и о своих стараниях спасти жизнь раненого.

Старик провел рукой по серебристой бороде и сказал:

— Может быть, этот раненый очень большой человек и рука его достает до самого солнца? Я сам осмотрю больного. — Просунув босые ноги в туфли, он спустился с террасы и прошел к верблюду. Его окружили жители селения, стараясь перекричать друг друга:

— Мы знаем этого больного человека. Это богатый купец из Гурганджа, Махмуд-Ялвач. Вот и на верблюде выжжено его тавро. Караваны Махмуд-Ялвача в двести-триста верблюдов ходят в Тавриз и Булгар² и до священного Багдада.

¹ *Шейх* — глава мусульманской религиозной общины.

² *Тавриз* — большой город в северном Иране. *Булгар* — в X—XIV веках богатый торговый и промышленный город, столица волжских булгар, расположенная при впадении Камы в Волгу.

Хаким, выслушав жителей, помолчал, пожевал губами и важно провозгласил свое решение, а писарь записал его.

«Так как знающие и заслуживающие доверия люди заявляют, что больной — это достойнейший купец, Махмуд-Ялвач из Гурганджа, то я приказываю снять его осторожно с верблюда, положить в моем доме и призвать лекаря-табиба, чтобы он старательно излечил его целебными травами. Дервиш, сделавший доброе дело своей заботой о раненом правоверном, может идти дальше, и его должен вознаградить спасенный купец. Так как верблюд не может принадлежать дервишу, то он останется у меня, пока не излечится его хозяин. За произнесение судебного приговора и приложение печати оставить при моем управлении черного осла, принадлежащего дервишу».

— Записал? — обратился хаким к писцу.

Тот прошептал:

— Истинно сказал мой господин!

Правитель добавил:

— Ученый дервиш, возьми от моих скудных средств один дирхем¹.

Хаджи Рахим взял медную монету, потер ею лоб и приложил к губам. Держа ее в зажатой ладони, он сказал:

— Твоя мудрость велика, о хаким, правдиво решающий. Ты освободил меня от забот о раненом, о верблюде и об осле, на котором мне не придется ездить, но которого мне зато и не придется кормить. Я же, ничтожнейший из погибающих, подобен легковесной монете, что скользит из щедрой руки дающего в деревянную чашку слепого. И если твоя щедрость так же чиста, как серебро твоей бороды, то эта медная монета дирхем обратится в золотой динар.

¹ *Дирхем* — серебряная монета стоимостью около 20 копеек, черный медный дирхем — около 2 копеек. Динар — золотая монета, приблизительно 10 рублей.

Хаджи Рахим раскрыл ладонь. На ней блестела золотая монета — динар.

— Истинно говорю тебе, почтенный начальник, что та земля, на которую ступит твоя нога, никогда не увидит неурожая.

Хаджи Рахим снова зажал ладонь и стоял неподвижный. А правитель и все окружающие безмолвно глядели то друг на друга, то на сжатый кулак дервиша, и рты их раскрылись.

— Я дал ему медный черный дирхем. Это я хорошо помню. Но все вы только что увидели в его руке золотой динар, — сказал начальник. И с быстротой, которой никто не ожидал от всегда важного старика, каким бросился к дервишу и вцепился в его руку: — Отдай золотой динар! Им ты должен оплатить судебные расходы!

Хаджи Рахим раскрыл ладонь, и начальник схватил монету, но это опять был медный дирхем. Важный хаким подул себе на плечи и торжественно поднялся на террасу.

Хаджи Рахим подошел к ослу, снял свой мешок, перекинул через плечо и, не оглядываясь, направился дальше, к Гурганджу, выкрикивая во весь голос призыв дервишей:

— Я-гú-у! Я-хák! Ля илляхи илля-гу-у!¹

Глава пятая

ЗАВЕТНАЯ КАЛИТКА

«Все осталось таким же, как много лет назад, — думал Хаджи Рахим, прислонившись к высокому глиняному забору пустынного переулка Гурганджа. — Те же домики с плоскими крышами среди абрикосовых и тутовых деревьев, так же на бирюзовом небе вьются ста-

¹ Этот обычный арабский призыв дервишей означает: «Да, это он, справедливый, нет другого Аллаха, кроме него!»

ями белые голуби, а еще выше над ними с жалобным стоном медленно кружат бурые коршуны... Так же над забором свесились белые ветви цветущей акации, и под ними притаилась та же маленькая заветная калитка. На ее серых выветренных досках еще заметны круги искусно вырезанного узора. Когда-то из этой калитки выходила девушка в розовой одежде и оранжевом покрывале. Где она? Что с ней стало?»

Калитка открылась, и вышла девушка-подросток в длинной розовой одежде с шафрановым покрывалом. В руке она держала лопату. Слегка выдающиеся скулы и чуть скошенные глаза, покрой одежды и узел шафранового платка сказали бы знающему, что эта девушка из тюркского племени. Напевая песенку, она рассчитала отводную канавку в свой сад, и вода повернула в пробитое отверстие под глиняным забором.

Вдруг девушка быстро выпрямилась и, прикрывая глаза узкой смуглой рукой, посмотрела в конец улицы.

Там кто-то пел высоким переливчатым голосом:

Наступит ночь, из глаз уходит сон.
Любуюсь до зари на звездный небосклон.
И если молодой луны увижу рог,
Я вспоминаю серп ее бровей.
То не судьба ль моя? Не мой ли рок?
Загадку разгадать хочу грядущих дней...

В глубине переулка показался молодой всадник в темно-зеленом чекмене¹, туго стянутом пестрым поясом. Сдвинув на правую бровь баранью шапку, он медленно ехал на плясавшем караковом жеребце. Всадник хлестнул коня и с места бросился вскачь. Поравнявшись с девушкой, он разом осадил коня.

Девушка бросила лопату и вбежала во двор, захлопнув калитку. Всадник передвинул шапку на затылок и медленно поехал дальше по переулку.

¹ Чекмень — нарядная мужская одежда (кафтан, казакин).

Калитка приоткрылась, и девушка выглянула. Робко посмотрев по сторонам, она подняла лопату и снова скрылась.

Бородатый, почерневший от зноя дервиш, в остроконечном колпаке с белой повязкой хаджи и в разноцветном плаще, громко, как слепой, ударяя длинным посохом, перешел дорогу. Оглянувшись, он осторожно снял лоскут розовой материи, зацепившийся за калитку, и спрятал за пазуху.

— Да, — бормотал он, — все здесь осталось по-прежнему: то же дерево, только оно стало еще выше и гуще, та же калитка — она лишь потемнела и покосилась... И девушка похожа на ту, кого я любил в шестнадцать лет, но это не она. А где та, которая стояла здесь много лет назад с корзинкой абрикосов и сама смуглая и сладостная, как абрикос?! Все осталось то же, даже вон там, над старой башней, как и раньше, кружат ястребы. Только Хаджи Рахим не тот...

Дервиш постучал посохом в калитку. За старой карагачевой¹ дверцей послышался старческий кашель. На пороге появился старик, сухой и сгорбленный, в белоснежной чалме.

— Я-гý-у! Я-хák! — запел дервиш.

Старик, всматриваясь слезящимися красными глазами, пошарил в складках свернутого из материи пояса и вытащил старый кожаный кошель. Он порылся в нем бескровными восковыми пальцами и достал черную тонкую монету.

— Аллахúm селля! — воскликнул дервиш, прижимая монету ко лбу и губам. — Кто живет в этом доме? За кого я могу вознести молитвы единственному?

— Я живу в этом доме, но принадлежит он не мне, а кузнецу Кары-Максуму. На главном базаре все знают

¹ *Карагач* — огромное многоветвистое тенистое дерево, очень распространенное в Средней Азии. Из него получают широкие доски особой прочности.

обширную кузницу и оружейную мастерскую Кары-Максума. Служителям веры он в подаяниях не отказывает.

— А каким именем судьба одарила тебя, делатель чудес?

— Не называй меня высоким словом «делатель чудес». Я старый шахский летописец Мирза-Юсуф и могу только добавить стихами поэта:

Я прожил жизнь, как вьючная скотина,
Я — раб своих детей и пленник у семьи.
На пальцах я сочту все, что имею, —
Мой бедный дом и сотни тысяч бед!
А выйти из беды надежды нет!..¹

— Нет, нет! Ты все же делатель чудес, — сказал дервиш. — Ты пожертвовал черный дирхем, и так как твое подаяние исходило из благородного порыва сердца, дирхем сразу обратился в полноценный динар из чистого золота.

Старик наклонился к темной, похожей на птичью лапу ладони дервиша, на которой лежал золотой динар с выпуклой надписью.

— В моей долгой жизни я никогда не видал чудес, о которых говорят священные книги. Или ты, дервиш, способен делать чудеса, или же ты, как фокусник на базаре, хочешь посмеяться над полуслепым стариком.

— Но ты можешь испытать этот динар. Пошли твоего слугу на базар, и он принесет тебе целую корзину и жареного кебаба², и вареной лапши, и меду, и сладких дынь. Может быть, ты даже уделишь тогда от этого изобилия бедному путнику, пришедшему сюда прямо из далекого Багдада?

— Так ты пришел из славного Багдада? В таком случае заходи в мой дом и расскажи о том, что ты там видел, а я испытаю силу твоего удивительного динара.

¹ Из стихотворения Кесаи (IX век).

² *Кебаб* — блюдо из мелко рубленного мяса, поджаренного на вертелах.

Глава шестая

ШАХСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

...Он направился ко мне, несмотря на далекое расстояние наших жилищ, долгий путь и ужасы дороги.

Ибн-Хазм, XI век

Шаркая желтыми замшевыми сапогами, старик направился через двор и поднялся на террасу.

— Проходи за мной, путник!

Дервиш вошел за стариком в комнату с кирпичным полом и разостланными вдоль стен узкими ковриками. На полках в нише стояли два серебряных кувшина и стеклянная иракская ваза. Купол комнаты, искусно составленный из переплетенных раскрашенных бревен, имел в середине отверстие для выхода дыма. Посреди комнаты в квадратном углублении чадила жаровня с углями. Вдоль задней стены стояли три раскрытых, окованных железом сундука, и в них виднелись переплетенные в желтую кожу большие книги.

Дервиш сложил около двери посох и другие свои вещи. Сбросив туфли, он прошел к старику, преклонил колени и опустил на пятки.

— Бент-Занкиджа! — дребезжащим голосом крикнул старик.

Вошел мальчик в длинном, до пят, полосатом халате и голубой чалме. Скрестив руки на животе, он склонился, ожидая приказания.

— Возьми этот золотой динар. Передай его старому Саклабу и объясни ему так: «Поди, дед Саклаб, на базар, в тот ряд, где сидят индусы-менялы перед ящичками с серебряными и золотыми монетами. Эти же менялы продают волчки и кости для игры. Выбери самого седобородого и попроси оценить эту монету: настоящий

ли это полновесный золотой динар?» Если меняла-индус скажет, что в динаре нет обмана, то пусть он его разменяет на серебряные дирхемы. Получив серебро, пусть Саклаб пойдет в тот ряд, где путники могут насладиться едою, и купит то, что сейчас тебе перечислит этот почтенный искатель истины.

— Что должен слуга купить? — обратился мальчик к дервишу.

Тот смотрел на мальчика. Нежные черты его лица показались странно знакомыми. Где он его видел? Дервиш сказал:

— Пусть слуга возьмет с собой корзину и купит все то, что он купил бы для брата, которого не видел много лет. Пусть слуга сам выбирает.

Старик поманил к себе мальчика и сказал ему на ухо:

— Пусть Саклаб, вернувшись с базара, не входит сюда, как обычно, оборванцем, а сперва наденет мой старый халат. А ты, отдав ему динар, возвращайся сюда и захвати с собой чернильницу с калямом¹ и бумагу. Сейчас ты будешь записывать его речи.

Мальчик скрылся и вскоре вернулся с бумагой и прибором для письма.

— Скажи мне, путник, сперва твое имя, откуда ты родом и как ты попал в славный Багдад?

— Меня зовут Хаджи Рахим аль Багдади. Родом же я из маленького селения близ Басры. Я готов отвечать тебе на все вопросы, но прежде позволь мне коснуться чего-то другого, о чем беспокоится мое сердце.

— Ну, говори, — сказал старик.

— В Багдаде я учился в большом медресе² у знаменитейших ученых. Среди студентов, которые вместе со мной искали света у этих факелов знания, был один

¹ *Калям* — остро отточенный камыш, служивший вместо пера.

² *Медресе* — высшее духовное учебное заведение.

юноша, всегда скорбный и молчаливый, отличавшийся страстным прилежанием. Когда я ему сказал, что хочу надеть «пояс скитания» и, взяв «посох странствования», отправиться в славный Гургандж, благородную Бухару и прекрасный Самарканд, этот юноша обратился ко мне с такими словами: «Хаджи Рахим аль Багдади, если ты попадешь в богатый город хорезм-шахов Гургандж, то пройди в третью улицу, пересекающую главный путь от базара к Западным воротам, найди там дом кузнеца и торговца оружием Кары-Максума и узнай, живы ли там мои почтенные родители? Расскажи им все, что я делаю в Багдаде. Когда же ты вернешься в Багдад, то ты поведаешь мне все, что о них узнаешь». Я обещал ему это и отправился в путь. Но ветер непредвиденностей и гроза испытаний бросали меня в разные стороны вселенной. Я шел под палящими лучами солнца Индии, проходил далекие пустыни Татарии¹, доходил до Великой стены, охраняющей царство китайцев от набегов татар; я посетил берег ревущего океана, пробирался через крутые снеговые горы Тянь-Шаня и всюду находил мусульман². Так прошло много лет, пока я наконец попал в Гургандж, на эту улицу, которую мне указал мой багдадский друг. Я нашел и дом, и калитку под белоснежным деревом акации, и, наконец, я беседую с тобой, делатель чудес, который, вероятно, помнит юношу, обитавшего здесь, в этом дворе, и ушедшего пятнадцать лет назад из Гурганджа?

¹ *Татария* — так в описываемое время называлась территория нынешней Монголии и Западного Китая, населенная многими кочевыми племенами тюркского происхождения, носившими общее название татар.

² Выходцы из Средней Азии (мусульмане) согды и после потомки их, таджики, отличные ремесленники и предприимчивые купцы, с древнейших времен распространились по великому торговому пути из Средней Азии до Китая, где всюду были их торговые и ремесленные поселки.

— Как звали этого юношу? — спросил старик сурово.

— Там, в высоком дворце знаний, он назывался Абу-Джафар аль Хорезми (из Хорезма).

— Как ты осмелился произнести это имя, несчастный! — закричал старый мирза (писарь), и пеной покрылись губы его. — Знаешь ли ты, что он величайший грешник? Несмотря на свои юные годы, он покрыл позором и себя, и своих родителей и чуть было не бросил в пучину бедствий всех родичей.

— Но ведь он был очень юн! Что такое мог он сделать? Убил ли он кого-нибудь или покушался на знатного бека?

— Этот ужасный Абу-Джафар, к прискорбию, с юных лет отличался большими способностями и прилежанием. Он учился вместе с другими учениками у наших лучших учителей, стараясь постигнуть и чтение, и красоты изящного письма, и глубокий смысл великой книги Корана. Он преуспевал во всем и стал удачно складывать стихи, подражая Фирдоуси, и Рудеги, и Абу-Саиду. Но стихи его были не на поучение другим, а только для соблазна легковерных... — Старик продолжал шепотом: — Этот несчастный юноша начал вольнодумствовать. Он позволял себе спорить с седобородыми улемами¹ и имамами, ввергая в смущение других простодушных слушателей. Наконец, когда имам заметил: «Ты идешь не по дороге в рай, а в огненную пропасть ада», — Абу-Джафар ему дерзко ответил: «Ступай от меня и не зови меня в рай! Когда ты проповедуешь о четках, о местах молитвы и о воздержании, я думаю, не все ли равно — идти ли в мечеть Мухаммеда, или в монастырь Исы², где звонят в колокола, или в синагогу Моисея. Везде я искал, но не находил Бога,

¹ Улем — мусульманский преподаватель в богословском учебном заведении.

² Иса — Христос.

Бога нет, его выдумали те, кто торгует его именем. Мой свет, мой проводник — Абу-Али Ибн-Сина¹». Тогда святые имамы прокляли его и приказали схватить. Они хотели на площади города отрезать его ядовитый язык и обе руки, чтобы он не мог больше сочинять свои рассленные стихи. Но Абу-Джафар со змеиной ловкостью исчез. Сперва думали, что его отец из жалости где-либо скрывает преступного сына. Поэтому сам хорезм-шах Мухаммед, узнав об этом деле от имамов, приказал схватить отца, бросить его в клоповник зиндан² и надеть цепь с надписью: «Навеки и до смерти». А если отец умрет, то вместо него шах приказал посадить ближайшего родственника, пока Абу-Джафар добровольно не вернется.

— И отец до сих пор в тюрьме? — тихо спросил дервиш. Его расширенные глаза сверкали, а лицо стало серым, как у мертвеца.

— Отец умер, не выдержав сырости, темноты и страшных клещей и клопов подвала. Исполняя приказ хорезм-шаха, палачи схватили младшего его сына Тугана, надели на него ту же цепь и бросили в тот же подвал.

— Какое преступление! — прошептал дервиш.

— Мне очень жаль этого мальчика Тугана, — продолжал старик. — Я много заботился о нем. Не желая, чтобы Туган пошел по следам его испорченного старшего брата, я старался просветить его. Туган учился

¹ *Абу-Али Ибн-Сина* — выдающийся ученый XI века, родившийся в Бухаре. Имя его в Европе переделано в Авиценна. За неверие и требование свободы разума был брошен в Испагани в тюрьму, где и умер. Он оставил много книг по естественным наукам, медицине, алхимии и являлся на мусульманском Востоке одним из самых отважных борцов за свободу разума. Его медицинская энциклопедия «Канон», переведенная на латинский язык, была главным руководством европейских врачей в Средние века.

² *Зиндан* — подземная тюрьма.

у меня чтению и письму, но его больше тянуло к мастерству и воинским забавам, и я отдал его в обучение кузнецу Кары-Максуму, который показывал, как изготовлять отличное оружие. Теперь заменяет мне Тугана маленькая сирота, дочь рабыни, Бент-Занкиджа. Она оказалась очень способной к чтению, письму и запоминанию разных стихов и песен. С годами глаза мои стали слепнуть, и все передо мною двоится, и я вижу вместо одного сразу три месяца. Бент-Занкиджа стала моим помощником, писцом. Она записывает мои беседы и переписывает книги. Вот она сидит перед тобой с калямом в руке.

Тогда дервиш понял, что переписчик в голубой чалме — это девушка, недавно выходявшая с лопатой из калитки.

Дервиш пристально посмотрел на нее и опустил глаза, не смея спросить о другой девушке, которую он видел здесь же, когда ему было шестнадцать лет. Отгоняя от себя волнение, дервиш воскликнул:

— Разве ты не делатель чудес? Ты обучил девочку тонкостям чтения и письма, и после этого она имеет право закручивать вокруг головы тюрбан тем узлом, каким щеголяют одни мирзы. Я вижу, что в твоём доме все полно заботами о знании.

Старик переплел тонкие пальцы и уставился пристальным взглядом на дервиша.

— Теперь расскажи о себе, долго ли еще ты намерен скитаться?

Дервиш потрянул взлохмаченной головой и впился в старика черными пламенными глазами.

— Мой отец — голод, погнавший меня через пустыни. Моя мать — нужда, выплакавшая глаза от скорби, не имея молока в груди для новорожденного. Мой учитель — страх перед мечом палача. Но я слышу голос: «Не горюй, дервиш, ты всегда творил то, что тебя достойно».

Старый мирза покачал головой:

— Ты украшен знаниями, и тебя может охотно взять к себе писцом всякий судья или правитель округа. И я тоже сейчас же мог бы тебя взять переписчиком книг в шахскую библиотеку. Там имеются единственные редкие книги, никому не известные даже по названию, и их следует переписать, чтобы они не пропали для человечества. Зачем тебе бродить по дорогам? Неужели тебя привлекают скитания, и пыль, и грязь, и камни под ногами?

Дервиш заговорил глухо:

— Мне говорят: «Зачем ты не украсишь свой приют пестрыми коврами?» Но «когда пронесся призывный крик героев, что делать с песнею певца?». «Когда конь несется в битву, как я могу прилечь среди цветущих роз?»¹

Старик, полный изумления, развел руками:

— О каких войнах ты говоришь? Кто может грозить султану, великолепному, самому сильному из всех мусульманских владык? Только тогда запылают огни чужих боевых лагерей, когда он сам захочет воевать...

— Грозный огонь движется с востока, и он сожжет все.

Старик покачал головой:

— О нет! Пока хорезм-шах вложил меч в ножны, все будет тихо и в долинах Мавераннагра, и на всех границах царства Хорезма.

В комнату бесшумно вошел старый невольник с тяжелой цепью на ногах, подхваченной ремешком у пояса. Он принес корзину с разнообразной едой, купленной на удивительный динар.

На изможденное тело высокого старика был накинута короткий полосатый халат. Длинные полуседые волосы его ниспадали на плечи. Разостлав на ковре шелковый платок, он положил лепешки, миндальные пирожки, расставил чашечки с медом, фисташками, миндалем,

¹ Из стихов Ибрагима Монтесера (X век).

изюмом, засахаренными ломтями дыни и другими сладостями.

— Позволишь ли ты поговорить с этим старым рабом?

— Говори, почтенный путник.

— Откуда ты родом, отец? — спросил у раба дервиш.

— Издалека, из земли русской. Я жил у своего отца, рыбака, на берегу большой реки Волги, а по-здешнему ее называют Итиль. Меня еще мальчишкой захватили джигиты соседнего с нами суздальского князя. Князь по-нашему все равно что ваш хан или бек. Князья наши между собой воюют, и кто кого побьет, тот у побитого князя заберет в плен и мужиков, и баб, и девок, и детей. Затем князь всех продаст, как баранов, в чужеземную сторону. Так и меня, и сестренку князь продал купцам болгарским, те отвезли в свой торговый город Биляр, на реке Капе, а оттуда всех пленных, и меня с ними, погнали через пустыню сюда, в Гургандж. А куда продали сестренку — не знаю. Давно это было. Вот и волосы у меня повисли белыми космами, как у старого козла, а все хотелось бы увидеть родной кишлак на высоком яру реки. Я научился говорить по-туркменски и по-персидски. Если бы не другие наши пленные, я бы совсем забыл нашу родную речь. С земляками иногда встретишься на базаре и словом своим перекинешься. Много их здесь ходит, звеня цепями.

— Как же тебя зовут? — спросил дервиш.

— Здесь меня зовут Саклаб, а наши пленные кличут по-прежнему: «дед Славко». Прости меня за смелое слово, — старик поклонился дервишу до земли, — я услышал, что ты ходишь по дальним странам и, как святой, можешь делать из медных дирхемов золотые динары. Так для тебя шуточное дело выкупить меня у моего хозяина. Выкупи меня, и стану я тебе служить верно и честно. Ведь ты, может быть, и в нашу сторону, к русским, пойдешь, тогда и меня возьмешь с собой.

— Ты хочешь сманить моего раба? — сказал, нахмурившись, хозяин.

— Где мне думать о рабе, — сказал дервиш. — Я сам живу бедняком и питаюсь пригоршней пшена, если его подаст щедрая рука.

— Верно, здесь, на далекой чужбине, мне придется сложить голову, — пробормотал, вздохнув, Саклаб и громко сказал: — Просим милости попробовать нашего достархана¹! — Осторожно ступая по ковру, он поднес медный таз и узорчатый кувшин с водой.

Мирза-Юсуф и дервиш омыли над тазом руки, вытерли их расшитым полотенцем и молча приступили к еде. Когда дервиш перепробовал от всех блюд, он произнес учтивые слова благодарности и попросил позволения удалиться.

На пустынной улице он долго стоял в тени дерева и смотрел на старую калитку.

«Мне не придется больше увидеть этот дом, где добрый старик когда-то учил меня держать тростниковое перо и писать первые буквы. Я не пожалел для него моего единственного золотого динара, чтобы только подольше побыть с ним и слышать его родной и близкий мне голос... А теперь снова в путь!»

Мирза-Юсуф долго смотрел на дверь, за которой скрылся странный гость. Вошла Бент-Занкиджа и сказала:

— Мой добрый дедушка Мирза-Юсуф! В сердце моем змейкой вьется мысль, что этот дервиш Хаджи Рахим аль Багдади очень похож на убежавшего нашего вольнодумца Абу-Джафара, только он оброс бородой, почернел от зноя, и тебе трудно в нем узнать прежнего мальчика...

— Молчи, или несчастье обрушится на наш дом! Разве я бы стал разговаривать с безбожником, проклятым

¹ *Достархан* — угощение. Также нарядная скатерть, расстилаемая для пиршества, происходящего на земле.

святыми имамами? Никогда больше не говори мне об этом мимолетном госте. Мы живем в такое время, когда к каждой щели прижалось ухо злобы и подслушивает, о чем шепчут наши уста. И днем, и ночью мы должны всегда помнить слова поэта: «Лишь молчание могуче — все же иное есть слабость»¹.

— Молчать даже перед друзьями? Но разве этот же великий поэт не сказал: «Замкни уста перед всеми, кроме друга»? Всю жизнь молчать — нет! Лучше смерть, но с песней и веселой шуткой!

— Замолчи, замолчи! — закричал старик. — О Боже, помоги мне! Я одинок! Ночь тянется, а повесть о великом хорезм-шахе не пришла еще к концу. Я все жду от него подвига славы, а вижу только казни и не замечаю великих дел. Я боюсь, что герой окажется каменным идиолом, пустым внутри, где летает золотистая моль и ползают ядовитые скорпионы... Аллах, взгляни в мою сторону и просвети меня!..

¹ Из стихов Абу-Саида (XI век).

Часть вторая

**МОГУЧ И ГРОЗЕН
ШАХ ХОРЕЗМА!**

Глава первая

УТРО ВО ДВОРЦЕ

Служба царям имеет две стороны:
одна — надежда на хлеб, другая —
страх за свою жизнь.

Саади, XIII век

В предрассветных сумерках три старых имама пробирались узкой улицей Гурганджа. Впереди шел слуга с тусклым фонарем из промасленной бумаги. Старики, подбирая длинные полы широких одежд, перепрыгивали канавки с журчавшей водой.

В темноте чувствовался то острый пряный аромат около закрытых лавок с перцем, имбирем и красками, то резкий запах кожи, когда имамы проходили мимо шорных рядов со складами конской сбруи, седел и сапог. На площади грубый голос остановил их:

— Стойте! По какой надобности идете ночью?

— Милостью величайшего мы, духовные лица, имамы великой мечети, спешим во дворец падишаха для утренней молитвы.

— Проходите с миром!

Три имама подошли к высоким воротам дворца и остановились. Стук не поможет, да и оскорбителен. Ворота сами приотворились. Несколько всадников

выехали из темноты и затем вскачь понеслись через площадь. Это гонцы с распоряжениями «величайшего и прозорливейшего защитника веры и справедливости» помчались по направлениям, не известным никому, кроме пославшего их.

Старики, переступая с камня на камень, пробрались через большую лужу и вошли в ворота. По широкому двору во всех направлениях ходили шахские воины. Двое часовых узнали в прибывших священнослужителей и посторонились, давая дорогу. Три старика миновали несколько двориков. Заспанные сторожа открывали тяжелые ворота, громыхая железными ключами.

Наконец показалась створчатая дверь. По сторонам ее, опираясь на копья, застыли два воина в железных кольчугах и шлемах.

Подошедший слуга, высоко подняв глиняный светильник с коптящим фитилем, сказал:

— Хранитель веры еще не выходил.

— Мы подождем, — ответили три старика и, скинув туфли, ступили на ковер, опустили на колени и раскрыли перед собой большие книги в кожаных переплетках с медными застежками.

— Вчера четыре мятежных хана прислали заложниками своих малолетних сыновей. Шах устроил пиршество. Зажарили двенадцать баранов, — сказал один имам.

— Что-то сегодня он еще придумает? — прошептал второй.

— Самое главное — во всем с ним соглашаться и не спорить, — вздохнул третий.

Хорезм-шаху Мухаммеду снился сон: он стоит в степи на холме, и кругом, сколько можно видеть, столпились тысячи и тысячи людей. Небо горит закатными бронзовыми лучами. Солнце, еще ослепляющее, быстро опускается в однообразную песчаную равнину.

— Да живет, да здоровствует падишах! — раскатами доносятся крики из отдаленных рядов. Люди медленно склоняют спины, и за белыми чалмами прячутся их лица.

Вся толпа опускается на колени перед повелителем, видны только халаты, похожие на волны вечно беспокойного Хорезмского моря¹.

— Да здоровствует падишах! — звучат, как эхо, последние отдаленные крики, и все замолкает. Солнце скрывается, и степь тонет в синих сумерках и молчании. В потухающем свете шах видит, как нагнувшиеся спины ползут к нему, взбираясь по склону холма.

— Довольно, назад! — приказывает шах. Но спины приближаются со всех сторон, бесчисленные спины в полосатых халатах, перевязанных оранжевыми поясами. Шаху кажется, что у всех за пазухой скрыты отточенные ножи. Люди хотят зарезать своего повелителя. Он бросается вперед и ударяет ногой ближайшего, халат взвивается и отлетает, как птица, — под ним никого нет. Шах откидывает ногой другие халаты, и под ними тоже пустота.

«Но среди них есть один! Он спрятался, чтобы подобраться и ударить ножом в мое сердце, сердце, которое живет и бьется только для счастья и величия славного рода хорезм-шахов».

— Довольно! Шах приказывает вам: уходите! — Голос звучит глухо, чуть слышно, — и все исчезает. Степь расстилается кругом, пустынная, серая и немая. Жесткие стебли травы как царапины на омертвевшем небе. Теперь шах один, совершенно один, в пустыне, без коня. А где-то здесь, совсем близко, за одним из серых холмов, в лиловой впадине притаился тот единственный, который должен его зарезать... Все хотят его смерти, но только один решился прикончить его жизнь. Кто же он?

¹ Хорезмским морем в XIII веке называлось Аральское море.

Вдали эхом звучит крик толпы:

— Да живет Джелаль эд-Дин! Слава храброму сыну и наследнику хорезм-шаха Джелаль эд-Дину!

«Забыв меня, они уже готовы целовать руки моего сына? Надо покончить с этим, довольно! Я раздавлю того, кто встанет на моем пути, — пусть это будет багдадский халиф или мой непокорный сын! Довольно!..»

Еще в полусне шах услышал возле себя шорох и почувствовал, как что-то холодное коснулось его лица. Страх и страстная жажда жизни заставили его разом напрячь все силы и вскочить. Шах раскрыл глаза и стал тревожно всматриваться в темные углы комнаты.

От большого очага в стене¹ веяло теплом раскаленных углей. Около него сидел кто-то. Это дикая степная девушка, которую привезли вчера. Она в страхе отодвинулась, закрываясь руками.

— Кто ты?

— Аллах велик! Я Гюль-Джамал, туркменка из пустыни. Вчера вечером тебя сонного под руки привели сюда, и ты как лег, так сразу и заснул. Я боялась тебя, ты так страшно хрипел и стонал во сне, точно умирал. Это тебя душили ночные дивы. Они летают в темноте над юртами и через верхнее отверстие пробираются внутрь, чтобы терзать тех, у кого на сердце убийство.

— А что у тебя было в руке? — И шах сжал ее маленькие руки.

— Мне больно! Оставь меня!

— Покажи, что было в руке?

— У меня нет и не было ничего. Хочешь, я спою тебе нашу степную песню о соловье, который влюбился в розу? Или расскажу сказку о персидском царевиче, увидавшем в зеркале лицо китайской княжны?

¹ В Средней Азии в XII веке не знали печей и разводили огонь либо посередине комнаты, имея вытяжное отверстие в потолке, либо в очаге в стене.

— Не надо сказок ни про розу, ни про царевича... А!.. Вот я нашел ножны от кинжала. Зачем ты пришла к твоему падишаху с ножом?

— Оставь меня! Старики учат: «Не бей коня, потеряешь друга...» — Гюль-Джамал выскользнула и отбежала. — Вайулай! Ты задушишь меня! Я тебя боюсь.

Она бросилась в низкую створчатую дверь и натолкнулась на двух служанок, которые подслушивали.

Шах, тяжело дыша, подошел к очагу. В его выпуклых, как у быка, глазах дрожали красные огоньки. Он постучал камышовой палочкой по медной чаше. Из створчатой двери показался старый слуга с козьей бородкой и упал перед шахом на ладони.

— Эту девушку вечером доставить в ковровую комнату. Здесь ли векиль и великий визирь¹?

— Все ждут тебя, светлейший, также «господин новостей»² и три имама.

— А хан Джелаль эд-Дин еще не приехал?

— Опоры престола еще нет.

— Пусть дожидаются. Ко мне в бассейнную приведи брадобрюю покрасить бороду и банщиков размять спину.

Хорезм-шах вышел в соседнюю комнату. Старый слуга, высохший и сгорбленный, со слезящимися красными глазами, стал собирать подушки и ватные одеяла и складывать их в нише стены. На ковре что-то блеснуло. Старик наклонился и поднял остро отточенный кинжал с ручкой из слоновой кости.

— Это туркменский нож... О, эти туркменки! Их гнева надо опасаться, как укуса ядовитого паука каракурта. Передать сейчас векилю или спрятать? А кто меня торопит?

¹ *Векиль* — смотритель дворца; *великий визирь* (или *везир*) — начальник государственной канцелярии и всех чиновников.

² «*Господин новостей*» — начальник государственной почты.

Шах затянул туже шнурок шелковых просторных шаровар, опутал дородное чрево полосатым шарфом, засунул за пояс нож в серебряных ножнах, набросил на плечи длинную, крытую парчой соболью шубу. Из ниши в стене шах осторожно достал искусно скрученную белую чалму и привычным жестом надвинул ее на длинные полуседые кудри.

Сдерживая дыхание, шах прислушался возле двери, сжимая холодную рукоятку ножа.

«Осторожный всегда готов отразить нападение. В темноте извилистых переходов дворца внезапно может поразить рука измаилита¹, подосланного моим заклятым врагом, халифом багдадским...»

— Ты здесь, векиль? — спросил он вполголоса.

— Я давно жду моего повелителя.

Шах отодвинул деревянный засов и приоткрыл дверь. Тускло озаренные двумя масляными светильниками, склонив низко спины, стояли фигуры приближенных сановников.

Всунув босые ноги в жесткие, остывшие за ночь туфли, Мухаммед прошел в следующую комнату. Там ждали слуги. Один держал глиняный светильник, другой — серебряный таз, третий — кувшин с изогнутым узким горлышком. Они помогли шаху совершить омовение около водоема, где вода стекала в отверстие в каменном полу. Четвертый слуга подал на вытянутых руках длинное, расшитое шелками полотенце и надел на пухлые ноги повелителя шерстяные узорчатые носки.

Пока хорезм-шах занимался одеванием, векиль общал последние новости:

— Очень холодно на дворе. Все покрылось белым инеем... Три имама пришли во дворец и ждут повелений... Также ожидает начальник палачей Джихан-

¹ *Измаилиты* — шиитская секта убийц, душителей, очень могущественная в XIII веке, впоследствии разгромленная монголами.

Пехлеван... Вчера вечером из Булгара прибыл большой караван в триста верблюдов с партией болгарских сафьяновых сапог и с сотней пленных урусов. Около двухсот рабов умерло в пути, хотя почти каждый день их кормили просяной кашей с кунжутным маслом. Перед этим другой караван был разграблен туркменскими разбойниками. Вероятно, это дело рук Кара-Кончара.

— Я разгромлю туркменские кочевья! Но больше всего меня лишают спокойствия паломники из Багдада. Не видно ли дервишей-арабов из Багдада? Все они лазутчики багдадского халифа, все они хотят мне зла.

— Какие негодные люди могут хотеть зла великому защитнику веры?

— Такими стали мусульмане!

Окончив одевание, шах направился своим обычным путем, сперва коридорами, затем витой каменной лестницей. Векиль и евнух с факелом шли впереди и раскрывали двери. Шах поднялся на верхушку каменной дворцовой башни.

Глава вторая

«НУБА»

ИСКЕНДЕРУ ВЕЛИКОМУ

На ровной площадке, вдоль стены с бойницами, полукругом стояли двадцать семь юных ханов — сыновей владетелей Гура, Газны, Балха, Бамияна, Термеза и других областей. Этим юношей и мальчиков шах держал под строгим надзором при своем дворе заложниками, чтобы их отцы, феодальные ханы, не вздумали поднять меч восстания. У всех юношей были в руках барабаны и бубны с погремушками.

Тут же находились музыканты с длинными трубами, гобоями и медными тарелками. В стороне стояло

несколько главных военачальников хорезмийского войска.

При появлении шаха все закричали:

— Да здравствует много лет непобедимый падишах, защитник веры, гроза язычников!

Шах обвел всех угрюмым взглядом.

— А где Тимур-Мелик?

— Я здесь, государь.

Высокий, всегда веселый Тимур-Мелик, неизменный спутник Мухаммеда в его походах, вышел вперед, ведя за руки двух мальчиков: один был самый младший сын шаха от последней жены, кипчакской ханши, другой — его внук от сына Джелаль эд-Дина и туркменки. Тимур-Мелик поставил мальчиков около шаха. Тот склонился к своему сыну и ласково ущипнул его за щеку. А внука сурово спросил:

— Где хан Джелаль эд-Дин?

— Отец уехал с соколами на охоту, — сказал мальчик. Его черные глаза из-под белой чалмы смотрели настороженно.

— Тимур-Мелик! Послать всадников по трем направлениям и разыскать хана Джелаль эд-Дина! Туркмены продолжают нападать на караваны. Они могут напасть и на моего сына.

— Будет сделано, благословенный!

Сверху, точно с облака, прозвучал тонкий, похожий на детский голос:

— Блажен, кто бодрствует! Счастлив, кто не спит!

Высокий минарет, точно свеча, вознесенная к небу, засветился на самой верхушке розовым лучом выгнувшегося из-за далеких гор солнца. Все здания города еще были погружены в туманные сумерки.

Старший из молодых ханов подал хорезм-шаху барабан. Мухаммед воскликнул:

— Слава великому Искендеру¹! Слава завоевателю мира! Искендер прошел через все земли Ирана до бере-

¹ *Искендер Великий* — Александр Македонский.

гов Джейхуна и Зеравшана¹. Искендер для нас пример, он наш учитель! Воздадим ему славу, трижды сыграем громкую «нубу»².

Загремели бубны и барабаны. Зазвенели медные тарелки. Сипло заревели длинные трубы, и запищали сопелки. Трижды все подымали звон и грохот в честь храброго македонца. Когда все затихли и гулкое эхо еще отдавалось в высоких башнях дворца, Тимур-Мелик воскликнул:

— Мы воздали должную славу великому румийцу³ Искендеру Двурогому. Мир праху его! Но он по молодости лет исполнил только половину того, что ему предстояло сделать. Теперь у нас есть новый Искендер, великий Мухаммед-воин, Мухаммед-полководец, Мухаммед — создатель великой империи Хорезма! Да продлит Аллах царствование могучего повелителя стран ислама, шаха Мухаммеда Алла эд-Дина! Исполним в честь нашего великого шаха троекратную «нубу»!

В тихом воздухе вновь загремели бубны, тарелки, барабаны, и свирепо заревели длинные трубы.

Мухаммед стоял у бойницы суровый, грозный и задумчивый, расправив широкие плечи, и казалось, великие мысли бродят под его белоснежной чалмой.

— Мир вам! Идите! — сказал хорезм-шах.

Все поочередно, сложив руки на животе, подбегали к нему мелкими шажками; коснувшись губами полы шахской шубы, пятились обратно и исчезали в темном отверстии лестницы.

Последним уходил Тимур-Мелик, держа за руки обоих мальчиков.

¹ *Зеравшан* — «золотая река», вытекающая с Гиссарского хребта к югу от Самарканда. Ее водами искусственно орошаются самаркандские и бухарские посевы.

² *Нуба* — парадное музыкальное чествование (военная серенада) Александра Македонского, которое было введено хорезм-шахом Мухаммедом во дворцах правителей округов.

³ *Румиец* (руми) — грек.

— Дада¹ мне обещал привести живого джейрана, — говорил внук шаха.

— А мне падишах подарит охотничьего барса... чтобы он съел и твоего джейрана, и тебя, змееныш!..

Шах облокотился на выступ бойницы. Внизу в беспорядке громоздились плоские крыши. Дворец состоял из многих низких построек, связанных переходами в одно большое, неправильно разросшееся здание. Его окружала высокая старая стена с пузатыми сторожевыми башнями. Неподвижные часовые с копьями резко выделялись на светлеющем небе.

Шах долго смотрел вдаль, на просыпающийся огромный город, затянутый дымом, подымавшимся над плоскими домиками. Затем глаза его остановились на одном из дворцовых двориков, где под старым высоким тополем белела юрта. В ней притаилась новая жемчужина гарема, смуглая туркменка Гюль-Джамал, убежавшая от него утром. Она не захотела помириться с темными покоями дворца и потребовала себе юрту, чтобы жить так, как привыкла в степи, как живут простые туркменки, пропахшие дымом. Она не желает переселиться в гарем, к другим «розам Эдема». Она все еще не понимает, как она должна себя держать! Недаром ее так ненавидит царица-мать Туркан-Хатун.

— Надменная девчонка! Подняла руку на своего владыку! Посмотрю, как она будет извиваться и визжать, когда в ковровую комнату к ней войдет мой любимый барс!..

Снизу, от подножия башни, донеслись крики. В утренней тишине слова лились ясно и отчетливо:

— Слушайте, правоверные! Шах Мухаммед отвернулся от законов ислама и принял ересь алидов-шафиитов². Он ласкает еретиков-персов и окружил себя языч-

¹ *Дада* — ласкательное от слова «отец», «батьюшка».

² Мусульманство разделяется на две главные секты — суннитскую, исповедуемую турками-османами, и шиитскую (или шафиитскую), главными поклонниками которой являются персы (иранцы).

никами-кипчаками. Отец его, шах Текеш, был честный туркмен, а Мухаммед плюет на туркмен. Не верьте ему!

— Кто это там воет? Векиль, что ты не смотришь за порядком?

Векиль склонился перед шахом низко, точно прося прощения:

— Это в подвале башни кричит дервиш, шейх Медж эд-Дин. Его не устрашают ни оковы, ни мрак тюрьмы. К нему особенно благосклонна твоя мудрейшая мать Туркан-Хатун. Но он произносит бесстыдные речи против своего падишаха. Вчера все дервиши города собрались в поле и поклялись прийти толпой к тюрьме, чтобы освободить из подвала этого безумного шейха Медж эд-Дина.

Мухаммед потряс векиля за плечи:

— Ротозей! Скорее скажи начальнику палачей Джихан-Пехлевану, что я поручаю этого бунтовщика его крепким рукам... И чтоб он поторопился, пока не прибежали и не освободили его безумные дервиши.

Хорезм-шах спустился с башни и прошел в приемную. Стены ее были затянуты красным сукном. Здесь падишаха ожидали три седобородых имама. Сбросив туфли у дверей, шах прошел на середину комнаты и опустился на ковер. Ноги он просунул под шелковое ватное одеяло, прикрывавшее теплое отверстие в полу, где находилась жаровня с горячими углями.

— Подходите, садитесь, мои учителя!

Три имама, стоявшие на коленях на краю ковра, приблизились, шепча арабские выражения благодарности, и уселись рядом, скрыв также ноги под одеялом.

— Начинайте, — сказал шах. — Объясните, прав ли я, сильнейший повелитель земель ислама, требуя, чтобы халиф багдадский подчинялся мне? А также объясните, что я должен делать, если халиф мне не покоряется?

Имамы развернули принесенные с собой большие старинные книги и поочередно нараспев стали выкрикивать тексты из Корана, доказывая, что хорезм-шах Мухаммед — высшая власть на земле после Аллаха, что он всегда прав и каждое его приказание, каждое слово свято...

В комнате было темно. Слабый свет проникал в решетчатое круглое окно, прорезанное в стене у самого потолка. Масляный светильник на бронзовой подставке разливал дрожащий свет. Имамы нараспев читали, не глядя в текст, арабские фразы.

Позади шаха стоял важный «расстилатель скатерти», главный распорядитель шахской еды. Одним словом или движением брови он давал приказание бесшумно скользившим по ковру слугам. Второй сановник — «подающий» — принимал серебряные блюда от главного повара. Из дверей выглядывали лица сановников, толпившихся в ожидании шахской милости.

Черный невольник, с серебряным кольцом в носу, поставил широкий низкий столик над одеялом. «Расстилатель скатерти» ловким движением набросил на столик шелковую скатерть — достархан. «Подающий» опустил перед шахом серебряный поднос с чашками горячего чая, приправленного солью и бараньим жиром. На скатерть он положил стопку тонких подрумяненных лепешек с запеченными кусочками сала и поставил ковшики с растопленным коровьим маслом, сметаной и медом.

Слушая речи имамов, шах пил одну чашку за другой, заедая лепешками. Разогретый жаровней и чаем, падишах облокотился на подставленные вовремя подушки и захрапел. Это было знаком, что государь доволен объяснениями ученых имамов. Все бесшумно удалились. Исчез стол с достарханом, скрылись сановники и слуги. Только черный невольник присел на корточки возле двери, ожидая, когда проснется великий правитель исламских земель.

Глава третья

КНЯЗЬ ГНЕВА

В Гургандже все знали высокую мрачную «Башню вечного забвения» рядом с шахским дворцом на главной площади.

На низкой, окованной железом двери висел большой замок. Ключ болтался на шее у сторожа, который сидел тут же на ступеньке, прислонив короткое заржавленное копьё к кирпичной стене. На земле перед сторожем лежал обрывок ковра, где прохожие клали свои подаяния: деревянную миску с кислым молоком, лепешки, пучок лука, горсть медных денег... Сторож иногда разрешал более щедрым подойти поближе к башне и поговорить с заключенными.

Внизу башни чернело несколько круглых дыр с решетками. Из подвала доносились глухие крики. Когда слышались шаги прохожих, крики в подвале усиливались, из отверстий высовывались костлявые руки, хватавшие воздух. Простой поселянин в полосатом халате с выцветшим голубым лоскутом вокруг головы и мулла в огромной белоснежной чалме, бросив монету сторожу, безмолвно подходили к отверстию стены и подавали куски хлеба протянутым сквозь решетку тощим грязным рукам. Тогда крики усиливались и слышны были проклятия тех, кто не мог дотянуться до окна.

— Подайте лишенным света!

— Пожертвуйте старую рубашку! Заели клещи.

— Ой! О-о! Ты наступил на мои глаза!

Со стороны переулка донесся гул толпы. На площадь вышли дервиши в высоких колпаках, с длинными посохами. Они выкрикивали хором молитвы; за ними бежали любопытные. Дервиши бросились к двери тюрьмы и принялись стучать в нее камнями и посохами, стараясь сбить замок. Некоторые заглядывали в отдушины подвала и кричали:

— Шейх Медж эд-Дин Багдади! Жив ли ты? Мы пришли вознести хвалу тебе, мученику веры и правды! Сейчас мы освободим тебя!

Из глубины подземелья донесся протяжный крик, и все, прислушиваясь, затихли.

— Да проклянет Аллах жестоких ханов, притесняющих народ! Да поразит он молнией гнева того, кто подымает меч на халифа! Да погибнут все палачи и грабители!

Оттесненный дервишами сторож побежал во дворец. Оттуда уже мчались кипчакские всадники. Они плетьюми разогнали толпу, и дервиши с криками разбежались по площади.

Наверху, над въездными воротами дворца, между бойницами, показались несколько человек. Один, высокий, в оранжевом полосатом халате, стоял впереди. Остальные, молча сложив руки на животе, почтительно ожидали его приказаний. Когда хорезм-шах показывался над воротами дворца — это был плохой знак: предстояла чья-то казнь.

Из ворот парами вышли джандары — палачи шаха, осанистые, мускулистые, в синих рубашках с засученными до плеч рукавами, в широких желтых шароварах, расшитых красными узорами. Держа на плече большие хорасанские мечи, они цепью растянулись вокруг площади, отодвинув напиравшую толпу. Последним шел главный палач, «князь гнева» Махмуд Джихан-Пехлеван («силач вселенной»), высокий, сутулый, тощий, с растопыренными руками, — знаменитый душитель. Халат его был засунут внутрь желтых замшевых шаровар и перетянут широким ремнем. Через плечо висел ковровый мешок. В нем он поднесет шаху голову самого важного казненного.

Посреди площади темнел квадратный ров, высился помост, и близ него стояли четыре столба с перекладинами. Два полуголых раба, звеня цепями, приволокли большую ивовую корзину и поставили рядом с помостом.

Сторож тюрьмы отпер окованную железом низкую дверь. Главный палач с несколькими помощниками спустился в подземелье. Оттуда раздались неистовые выкрики, сменившиеся полной тишиной. Палачи вывели из подвала пятнадцать заключенных. Все они были прикованы правой ногой к одной общей цепи.

Вывалянные в грязи, едва прикрытые лохмотьями, с отросшими в долгом заключении всклокоченными волосами, осужденные уцепились друг за друга и, жмурясь от яркого солнца, поплелись через площадь. Дверь в тюрьму захлопнулась. Снова повис тяжелый замок, и из подземелья понеслись непрерывные крики.

Стража шагала по сторонам скованных смертников. Один из них, дряхлый старик с копной спутанных волос, споткнулся и свалился, потянув за собой двух соседних. Их подняли ударами и погнали дальше к месту казни. На помосте их пригнули, опустив на колени. Один палач хватал обреченного за волосы, а главный джандар, держа меч обеими руками, одним ударом отсекал голову, показывал ее затихшей толпе и бросал в корзину.

В толпе спрашивали: «Который из арестованных глава дервишей, шейх Медж эд-Дин Багдади?» Источенные от голода и болезней, узники ходили друг на друга. Когда отлетела голова четырнадцатого, вой поднялся по всей площади:

— Падишах говорит! Падишах приказывает!

Все обернулись к площадке над воротами дворца. Стоявший наверху хорезм-шах размахивал пестрым платком. Это означало: «Остановить казнь! Шах прощает осужденного!»

Вытирая длинный меч красной тряпкой, главный палач крикнул:

— Приведите кузнеца!

Пятнадцатый из осужденных был Туган, воспитанник Мирзы-Юсуфа. Еще мальчик, он смотрел расширенными глазами, не понимая, что произошло.

— Кланяйся падишаху за высокую милость! — сказал палач и, повернув мальчика в сторону дворца, пригнул его к земле. Бывший наготове кузнец начал разбивать цепь на ноге Тугана.

— Постой! Куда ты? Я еще не кончил!.. — воскликнул кузнец, но Туган, видя, что он больше не прикован к цепи смертников, прыгнул с помоста в толпу. Сзади неслись крики, а Туган, согнувшись, пробирался между теснившимися горожанами, стараясь поскорее убежать подальше.

Площадь около тюремной башни опустела. Сторож стоял у двери, опираясь на заржавленное копьё.

Вдоль стены пробиралась девочка, завернутая до глаз в длинный платок. Она подошла к отверстию внизу башни и осторожно позвала:

— Туган! Оружейник Туган!

В отверстие просунулись истощенные руки, хриплый голос ответил:

— Твой Туган уже потерял голову! Дай нам поесть, чтобы мы его помянули молитвой.

Девочка припала к отдушине и с отчаянием закричала:

— Туган, откликнись, жив ли ты?

Новый вопль донесся из подземелья:

— Отдай нам то, что ты принесла! Твоему Тугану уже ничего не нужно! Он теперь наслаждается пловом вместе с пророком в садах райских...

Девочка передала просунутым в отдушину рукам хлеб и дыню и подошла к сторожу.

— Скажи мне, Назар-бобо¹: правда ли, что мальчик Туган умер?

— Наверно, умер. Ведь его повели вместе с другими на казнь... — Сторож показал рукой на площадь.

Подошел старый дервиш, сунул в руку сторожа несколько монет и стал шептать ему на ухо:

¹ Бобо — дедушка.

— Почему среди казненных не было нашего святого шейха Медж эд-Дина Багдади? Отложена казнь или хорезм-шах простил его?

Сторож, пряча деньги в складки крученого пояса, пробормотал:

— Государь разгневался на шейха за его проклятия и приказал поскорее казнить, пока его не освободили дервиши.

— Но он еще жив?..

— Нет! Когда из подземелья выводили осужденных, туда спустился главный палач Джихан-Пехлеван и сам задушил святого шейха...

Глава четвертая

ПРИШИТАЯ ТЕНЬ

Торопись обрадовать добрым словом встречного: быть может, больше не придется встретиться.

Восточная пословица

Выбравшись из толпы, Туган попал в глухую улицу, где тянулись сплошные глиняные стены. Улица привела его к берегам канала.

Мутная темная вода медленно текла среди насыпанных высоких берегов. Длинные неуклюжие лодки тихо подвигались, нагруженные тюками, хворостом, сеном и сбившимися в кучу баранами.

«Уехать бы в такой лодке далеко, в чужую страну... Но кто меня пустит туда, такого грязного, покрытого ранами, в полуистлевшей рубашке!»

Недалеко от берега желтела песчаная отмель. Туган расположился на ней — выполоскал свою одежду, мылся, грелся на солнце, отдыхал, погруженный в свои думы.

«Куда деваться смертнику, выпущенному из тюрьмы? Кто возьмет на работу? Город тесен, а народу мно-

го, и всякий хочет заработать чашку плова... — Туган посмотрел на ногу, где продолжало висеть тяжелое железное кольцо с выбитой надписью: «Навеки и до смерти». — Мой старый Юсуф-Мирза не захочет и разговаривать с каторжником, вышедшим из тюрьмы; одна только Бент-Занкиджа, быть может, пожалеет. Но разве я смею показаться перед ней, покрытый язвами, как прокаженный?..

Все же мне придется вернуться к моему хозяину Кары-Максуму. Он позволит расклепать это железное кольцо».

Туган стал пробираться длинной улицей, где по обе стороны тянулись лавки и продавцы сидели на выступах, покрытых коврами. Товары висели на раскрытых створках дверей и лежали на полках вдоль стен.

Улица, завешанная сверху циновками, была в полумраке. Лучи ослепительного солнца падали косыми полосами, освещая то пару желтых сапог, расшитых розовыми и зелеными шелками, то круглый железный щит с чеканенной серебром надписью из Корана, то полосатые материи, которые торговцы разворачивали перед кочевником в малахае, обшитом волчьим мехом, или перед группой женщин в ярких, пестрых одеждах.

Кузница хозяина Кары-Максума в Кузнечном ряду была крайней. Отовсюду неся грохот молотков, лязг железных листов. Здесь кузнецы выделывали оружие: кривые сабли, короткие ножи, наконечники копий.

Рабы — персы и урусы — работали в одних шароварах, в кожаных прожженных передниках. Нагнувшись над наковальней, они выбивали молоточками искусные узоры на медных тазах. Другие с хриплыми вздохами колотили тяжелой балдой по раскаленной полосе железа. Вымазанные сажей мальчишки стояли около мехов, раздувая в горнах угли, и бегали с деревянными ведрами за водой.

Хозяин Кары-Максум, толстый и широкоплечий, с выкрашенным красной краской концом седой бороды,

поруговая рабочих, сидел на глиняной завалинке, покрытой обрывком ковра, и отвечал на приветствия прохожих. Возле него двое рабов, один молодой с выжженным тавром на лбу (за то, что пытался бежать), другой старый, с равнодушным закоптелым лицом, равномерно били небольшими молотками по пучку железной проволоки. Они делали самую ценную работу: не накаливая клинка на углях, вырабатывали «холодным способом» знаменитую узорчатую дамасскую сталь — «джаухар».

— Ты чего сюда пришел? Заворачивай обратно! — крикнул хозяин. — Не думаешь ли ты, что я возьму к себе в мастерскую каторжника, побывавшего в зиндане?

— Разреши мне взять молоток, я сам разобью железное кольцо...

— Чтобы ты пачкал твоими преступными руками мои молотки? Уходи, пока я не прижег тебя щипцами!

Туган отошел, полный гнева из-за незаслуженной обиды. Мальчик готов был пойти куда глаза глядят. Рассеянным взглядом он уставился на дервиша, присевшего у стены. Луч солнца, пробившись между циновками навеса, ярко осветил его пестрый плащ, сшитый из лоскутков всех цветов.

Дервиш, бормоча вполголоса священные изречения, нашивал большой иглой розовый лоскут поверх выцвевших синих, рыжих и зеленых заплат.

Туган стоял, раскачиваясь от обиды и отчаяния. Черная тень его прыгала, падая на колени дервиша.

— Видишь, мальчик, — сказал дервиш, — я пришил новую заплату к моему плащу, а на заплату пала твоя тень. Вместе с заплатой я пришил твою тень. Теперь ты крепко привязан ко мне и будешь, как тень, ходить за мной.

Мальчик бросился к дервишу и присел около него.

— Ты говоришь правду или смеешься? Я буду служить тебе и делать все, что ты прикажешь, только не отталкивай меня!

Дервиш покачал головой:

— Я слышал, как этот надменный хозяин прогонял тебя. О чем печалишься? Разве мир стал тесен? Будь моим проводником! Пойдем вместе отсюда в благородную Бухару. Никогда не оставайся там, откуда тебя гонят, и иди с доверчивым взором к тем, кто тебя зовет... Теперь ты пришил к плащу дервиша, и началась пора твоих новых скитаний. Иди за мной, мой младший брат!

Постукивая посохом, дервиш пошел вперед, а за ним, хромя, плелся изможденный Туган. Миновав несколько кузниц, дервиш остановился на углу улицы. Там была площадка, где закоптелый бродячий кузнец возился около ручного горна. Он был похож на живой скелет, обтянутый кожей. Но тонкие руки привычными приемами работали молотком и клещами на небольшой переносной наковальне, и один за другим равномерно и быстро падали в деревянную миску с водой изготовленные кузнецом черные мелкие гвозди.

— Эй, почтенный уста!¹ Сумеешь ли ты расклепать это железное кольцо и не поранить мальчика?

— Если ты мне дашь два черных дирхема, то я это сделаю, — сказал кузнец, наклонившись к кольцу. — Хорошее, прочное железо ставит падишах на цепи в своих тюрьмах. Если ты мне дашь в придачу еще серебряный дирхем, то я тебе из этого железа изготовлю отличный нож.

Дервиш достал из-за пояса кошель и показал старику серебряную монету.

— Пусть будет так, как ты говоришь... Но видишь ли на кольце надпись: «Навеки и до смерти»? Так ты сделай такой нож, чтобы эта надпись на нем сохранилась.

— Будет тебе такой нож, — пробормотал старик и толкнул Тугана: — Ставь ногу на наковальню!.. — Шепотом он добавил: — «Навеки и до смерти» дерись с шахом и его палачами!..

¹ Уста — мастер.

Глава пятая

ЩЕДРОСТЬ

Постукивая посохом, дервиш Хаджи Рахим проходил по узким улицам огромного центрального базара Гурганджа.

Здесь были ряды медной посуды, тазов, подносов и кувшинов, начищенных, блистающих как огонь, украшенных искусно выбитыми узорами. Были ряды с медными резными фонарями для свечей и глиняными мисками, тарелками и чашками. Были ряды тонкой китайской посуды, белой и голубой, а также стеклянной иракской, издающей чистый звон.

Особые ряды благоухали редкими бальзамами, как целебными, так и придающими аромат. Там же продавались ценные лекарства, такие как тангусский ревеня, касторовое и розовое масло, мыльный порошок «гасуль», растертый из солончаковых трав, — целебный одновременно для кожи, для десен и для желудка. Здесь можно было найти ценную землю, смешанную с благовониями, употребляемую для мытья в банях, и зеленую персидскую глинку, мгновенно удаляющую волосы, и бухарское укрепляющее волосы масло, которым мажут голову, и тибетский мускус, и индийскую амбру, и темные шарики гашиша, дающего дурман.

Пробираясь среди пестрой толпы, которая заливала базар шумным потоком, Хаджи Рахим останавливался у лавок, как бы ожидая подаяний, но внимательно всматривался в каждого продавца, отыскивая кого-то.

Когда он попал в ряды, где выставлены были груды материй и сукон, то важные купцы, сидевшие скрестив ноги, бросали ему медные монеты и говорили:

— Проходи с миром дальше!

Они боялись, чтобы черная рука дервиша не прикоснулась к серебристой шелковой ткани «симчуж» или

к драгоценной золотистой парче, подносимой в знак почета могущественным и знатным бекам.

В этом ряду Хаджи Рахим увидел человека, похожего на того, кого он искал. Этот человек сидел среди других купцов, обложенный шелковыми подушками. Исхудавшее лицо его, бледное, как самаркандская бумага, с ввалившимися черными глазами, говорило о перенесенной болезни. Сидевшие по сторонам купцы обращались к нему с особой почтительностью и непрерывно предлагали миндальные пирожные, пряники, варенные в меду, орехи и фисташки. Купец был в дорогой светло-серой шерстяной одежде и шелковом пестром тюрбане. Он держал китайскую голубую чашку с чаем. На указательном пальце его синела большая бирюза, приносящая здоровье.

Дервиш остановился подле лавки. Купцы бросили в его миску для подаваний несколько монет, но дервиш продолжал стоять молча.

— Проходи с миром! — сказали купцы. — Тебе уже дано.

Наконец больной купец перевел на него свой взор. Черные глаза его удивленно раскрылись.

— Что ты от меня хочешь? — сказал он.

— Говорят, что ты человек сильный и много видел на своем веку, проходя с караванами по вселенной, — сказал Хаджи Рахим. — Не можешь ли ты мне ответить на один вопрос?

— Если ты хочешь, чтобы я объяснил тебе священные книги, то есть люди, больше меня знающие, ученые улемы и святые имамы. А я купец, умею только считать и отмерять сукна.

— Довольно, святой дервиш! Проходи с миром! — закричали купцы. — Мы же тебе положили от нашего достояния. — И они бросили в кяшкуль¹ еще миндальных пирожных и орехов.

¹ *Кяшкуль* — миска для подаваний в виде лодочки, изготовляемая обычно из кокосового ореха.

— Нет, я жду твоего ответа, потому что мой вопрос будет касаться тебя, почтенный купец.

— Говори!

— Если бы у тебя был друг, верный, преданный, который с тобой делил и горе, и тяжелую дорогу, и голодал вместе, и переносил жару и снежную бурю... ценил бы ты его?

— Как же такого не ценить? — сказал купец. — Говори дальше.

Тогда дервиш сказал, обращаясь ко всем:

— Да будет светел круг ваш, радостно утро и сладок напиток! Взгляните на того, кто был и богат, и приветлив, и полон довольства, у кого был счастливый дом, и цветущий сад, и всегдашняя чаша пиршества. Но я не мог отклонить от себя плети гневной судьбы, нападков бедствий и злобных искр зависти. И гнал меня бич черных несчастий, пока не опустела рука моя, не стал просторен мой двор, не высох сад и не рассеялись друзья пира. И все изменилось. Я питался тоской, мой живот ввалился от голода, и не приходил сон, румянивший бледное лицо. Но остался у меня один друг. Он не покидал меня в скитаниях, когда ущелье было моим жалким жилищем, камень — моим ложем и босая нога моя ступала на колючий терн. Друг прошел со мной вместе в славный город Багдад, в священную обитель молящихся — Мекку. Все время он облегчал мои силы, нес мою сумку и согревал меня холодной ночью. Но медлил и не приходил день счастливой судьбы. Внезапный гром разлучил меня с моим другом, когда я достиг богатой равнины Хорезма, и я теперь вечный брат нищеты и не имею крова для ночлега...

Большой купец спросил:

— Но почему тебя разлучили с твоим другом? Ведь, если он побывал на родине пророка, он может носить белую повязку, знак паломника — хаджи. Кто же осмелился обидеть и его, и тебя?

— Причиной разлуки — один купец.

— Расскажи мне о нем.

— Хоть я и последний из несчастных, но я нашел в пути еще более несчастного — купца, израненного разбойниками и брошенного без помощи. Я сделал, что мог, перевязал его раны, хотел довести до Гурганджа... и сохранил ему золотого сокола...

Внимательно слушавший купец вздрогнул и прервал дервиша:

— Не продолжай! Мы все уж знаем, что случилось с купцом. Ведь этот купец перед тобой. Я давно хотел разыскать тебя, чтобы отблагодарить. Но кто же твой друг? Может быть, я могу извлечь и его из застенка бедствий?

— Ты один только можешь вернуть мне друга. Он не смеет носить белую повязку и называться хаджи, потому что у него, как у шайтана, привешен хвост. Это мой осел. Жадный правитель округа, у которого ты остался лечиться, отобрал моего осла. Если ты мне поможешь достать другого, то сбудется все, чего я желаю.

— Ты получишь твоего осла. Я откупил его у хакима, и он здесь, во дворе. Слышишь, не он ли кричит и приветствует тебя? Но этого мало. Теперь ты можешь выбрать в этой лавке что только захочешь: лучшие одежды, и сафьяновые сапоги, и материи — бери все, что только тебе понадобится.

— Я дервиш! У меня есть грубый шерстяной плащ, и этого с меня довольно. Но я берусь рукой за полу твоей щедрости только для того, чтобы ты одел мою совсем голую тень. Тень всюду следует за мной и не имеет ничего, чем прикрыть свое исхудавшее тело.

Купцы засмеялись:

— Ты все шутишь, дервиш! Как же можно одеть твою тень?

— Да вот она стоит перед вами! — И дервиш показал рукой на нищего мальчика Тугана, прислонившегося к стене.